

А.И.Сизоненко

Латинская Америка и Первая мировая война

Статья посвящена политике стран Латинской Америки в годы Первой мировой войны (1914—1918), их отношениям с Россией в тот период. Особое внимание уделяется оценке латиноамериканским обществом роли и места нашей страны в той глобальной трагедии.

Ключевые слова: Латинская Америка, Первая мировая война, Россия.

В 2014 г. исполнилось 100 лет с начала Первой мировой войны, что дало повод не только широко отметить саму годовщину, но и во многом по-новому подойти к осмыслению той войны, открыть ее новые страницы. Это в полной мере относится и к такой крайне скудно освещенной в нашей научной литературе теме, как место стран Латинской Америки в том огромном международном конфликте. В тесной связи с этим находится и оценка в самой Латинской Америке роли в войне России и ее армии, тем более, что последняя тема практически не была затронута ни в отечественной, ни в латиноамериканской исторической литературе. Во многом слабая освещенность политики государств региона в Первой мировой войне объясняется спецификой их позиции в тот период. Такие разные страны, как Аргентина, Чили, Колумбия, Мексика, Венесуэла и Парагвай сохранили нейтралитет, а Перу, Боливия, Уругвай, Эквадор хотя и разорвали отношения с Германией, но войну ей не объявляли. Далеко не сразу, а лишь в 1917 г. войну центральным державам (т.е. Германии и Австро-Венгрии) объявили Бразилия, Куба, Панама, Гватемала и Никарагуа, в 1918 г. — Гондурас и Гаити, но сколько-нибудь ценный вклад в этом направлении внесла только Бразилия, и то только ближе к концу войны.

Такая позиция латиноамериканских государств объяснялась целым рядом обстоятельств: прежде всего, их слабой втянутостью в интересы сторон, развязавших конфликт, а отсюда и нежеланием ввязываться в него, а также сильными экономическими позициями Германии в регионе, ее значительным влиянием в местных политических кругах. Огромную роль, например, в том, что касается Бразилии, сыграл и тот фактор, что министр иностранных дел этой страны Лауро Мюллер был по национальности нем-

Александр Иванович Сизоненко — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (alsizonenko@yandex.ru).

цем, а тогдашний президент Эрмес Родригис да Фонсека был женат на немке и считал себя личным другом кайзера Вильгельма¹. В той же Бразилии, да и в Аргентине через пронемецкую печать вовсю действовала германская пропаганда, направленная против стран Антанты, в которую входила и Российская империя. Немалую роль в ведении этой пропаганды играли и колонии немецких переселенцев. «Самонадеянности, самохвальству и бахвальству здешних немцев не было предела,» — сообщал в МИД России посланник в Бразилии Петр Васильевич Максимов².

Вместе с тем правительства стран региона подвергались мощному воздействию властных структур, банков и монополий США, Англии и Франции, заинтересованных как в прямом участии латиноамериканских государств в войне (разумеется, на стороне Антанты), так и поставках ими продовольствия и других материальных ресурсов.

Естественно, влияние прогерманских кругов в крупнейшей стране Южной Америки — Бразилии — затормозило реакцию ее правительства на войну в Европе. Объявление войны Германии произошло только в октябре 1917 г., хотя еще и до того весь ход событий явно подталкивал Рио-де-Жанейро к такому шагу. В апреле 1917 г. немецкая подводная лодка потопила бразильское судно «Парана» без всяких на то оснований. После этого инцидента Бразилия разорвала дипломатические отношения с Германией. Несмотря на официальное соболезнование германской стороны, в мае 1917 г. на дно был пущен пароход «Тижук». В силу изложенных причин в июне 1917 г. в бразильских портах были задержаны 46 немецких судов³. А когда в октябре того же года немцы уничтожили очередное бразильское судно — «Макао», 26 октября 1917 г. решением парламента и затем президента страна объявила Германии войну, тем самым присоединившись к Антанте. Бразилия снабжала своих союзников продовольствием, а ее военно-морской флот патрулировал Атлантику и участвовал в морских операциях англичан.

Первая мировая война и участие в ней Бразилии привели к трем особенно заметным последствиям: во-первых, международный конфликт нарушил традиционные торговые связи страны; это сказалось, в частности, на падении производства сахара и каучука. Во-вторых, на первое место в ее внешней торговле вышли США, оттеснив Англию; и, в-третьих, война стимулировала рост собственно бразильского промышленного производства.

В то же самое время, как отмечал известный советский историк-латиноамериканист Лев Юрьевич Слезкин, «рост промышленности в годы войны не изменил характера экономики Бразилии. Она продолжала оставаться

Эрмес Родригес да Фонсека

Иполито Иригойен

производителем и экспортером колониальных продуктов, сельскохозяйственной страной, промышленность которой находилась под контролем иностранного капитала»⁴.

Не меньший интерес представляет политика другой крупнейшей державы континента — Аргентины, которая до самого конца Первой мировой сохраняла нейтралитет, несмотря на непрерывное внешнее давление. Эта линия твердо и настойчиво воплощалась в жизнь стоявшим у власти правительством Гражданского радикального союза (Unión Cívica Radical, UCR) во главе с влиятельным и авторитетным президентом Иполито Иригойеном. Как указывает российский исследователь истории Аргентины этого периода Владимир Петрович Казаков, «ар-

гентинский нейтралитет, по мнению президента, воплощал идеалы нации, которые война отрицала: идеалы справедливости и братства». Иригойен считал, что мир «является нормальным состоянием народов, и всякая попытка его нарушить есть чрезвычайное событие. Нейтралитет невоюющих государств во время военного конфликта представлялся ему правилом, а не исключением, и он не считал необходимым его специально объявлять»⁵. Вступление в войну в результате конъюнктурных соображений под давлением великих держав стало бы, по мнению Иригойена, «проявлением беспринципности, предательством идеалов»⁶.

Такова была общая концепция аргентинского президента, которая распространялась на международные отношения и внешнюю политику страны. По его глубокому убеждению мировая война противоречила национальным интересам, и целью Иригойена являлось не дать втянуть в нее Аргентину, как того желали США и Англия⁷. Последние использовали различные формы давления, в том числе заходы в аргентинские порты американских военных кораблей с соответствующими демаршами. С весьма откровенным заявлением для прессы выступил тогда английский посол в Буэнос-Айресе Реджинальд Тауэр; в нем прозвучала угроза оказать торговое давление на Аргентину, а также содержалась открытая поддержка тех аргентинских парламентариев, которые выступали за разрыв с Германией⁸.

Лишь однажды страна оказалась на грани вступления в конфликт, когда в апреле и июне 1917 г. германскими подлодками были потоплены два торговых судна под аргентинским флагом. Однако в результате энергичных дипломатических извинений Германии и миролюбивой политики Иригойена дело обошлось без применения радикальных мер.

Все же в одном случае державам Антанты удалось «дожать» Аргентину: в январе 1918 г. под их давлением и на их условиях было подписано аргентино-англо-французское соглашение о поставках в Англию и Францию ар-

гентинского зерна. Аргентина так и не вступила в войну, и то, что это отвечало чаяниям аргентинского народа в целом, подчеркивает тот факт, что в 1918 г. большинство избирателей на выборах в Национальный конгресс проголосовали за радикалов и их лидера Иригойена.

Особый интерес для нас, россиян, представляет вопрос об отношениях во время Первой мировой войны России и стран Латинской Америки. Большое расстояние, разделявшее обе стороны, и слабое развитие на тот момент связей между ними не позволили сразу проявить соответствующие реакции. Так, в Бразилии общество находилось под сильным влиянием пронемецкой пропаганды, поэтому на первых порах отношение к России было сдержанным, а изредка и просто агрессивным. Однако в результате первых побед русских войск в 1914 г. над германцами в Восточной Пруссии и в боях против Австро-Венгрии, их храбрости и самоотверженности общественное мнение о Российской империи в латиноамериканских странах стало меняться в лучшую сторону. Российский посланник в Бразилии Петр Васильевич Максимов докладывал о проявлениях в стране «восторга и восхищения» силой русского оружия. «На Россию стали смотреть, — подчеркивал дипломат, — как на благотельницу, коей суждено положить быстрый конец всемирной войне»⁹. Нельзя забывать также и о том, что в поддержку своей исторической родины выступали десятки тысяч русских переселенцев, которые еще до начала мирового конфликта прибыли в Бразилию и Аргентину и были заняты главным образом в сельскохозяйственной отрасли.

Важным шагом в развитии дипломатических отношений стало учреждение в ноябре 1916 г. отдельной миссии России в Буэнос-Айресе, возглавлять которую был назначен Евгений Федорович Штейн. В беседе с ним, оценивая действия русской армии, бразильский сенатор Руй Барбоза (он же являлся председателем Бразильской лиги союзников (A Liga Brasileira pelos Aliados))* выразил свои симпатии России, «оттеняя, — как подчеркивал

Алексей Владимирович Шварц

* Бразильская лига союзников — объединение ряда представителей местной интеллигенции, являвшихся последовательными сторонниками Антанты (вплоть до вступления в войну на ее стороне). Дискуссия между представителями этой ассоциации и бразильскими германофилами, бурно проходившая в периодической печати, являлась в каком-то смысле отражением очередной попытки национальной культурно-исторической самоидентификации бразильцев. Наиболее яркие члены лиги — Хосе Вериссимо, Элизеу Монтарройос, Граса Аранья, Руй Барбоза, Олаву Биласпур и др. — интеллектуальная элита Бразилии того времени. Подробнее см.: L. C. L a r o P i r e s. A Liga Brasileira pelos Aliados e o Brasil na Primeira Guerra Mundial. — Anais do XXVI Simpósio Nacional de História. São Paulo, 2011. (http://www.encontro2012.rj.anpuh.org/resources/anais/15/1338430475_ARQUIVO_Texto.pdf). — *Прим. ред.*

**Начальник Генштаба Вооруженных сил
Парагвая Иван Тимофеевич Беляев**

Штейн, — свое восхищение перед выполненной уже нашим Отечеством огромной задачей»¹⁰. Как он общался в Петроград, на встрече с министром иностранных дел Аргентины последний заявил, что открытие российского посольства «вызвало здесь чувство неподдельной гордости как доказательство признания за Аргентиной подобающего ей значения той державой, которая в настоящую войну выказала себя в небывалом еще величии и которая из здешнего далека представляется какой-то необъемлемой громадой...»¹¹.

Общеизвестно, что смелое, хотя и закончившееся неудачей русское наступление в начале войны в Восточной Пруссии уберегло в тот период Францию от полного разгрома. Интересно свидетельство об этом и французской стороны в лице ее эмигрантов, проживавших в Южной Америке. Как сообщал в октябре 1916 г. Е.Ф.Штейн, он во время поездки по Бразилии встречал не только «восторженный прием со

стороны французских колонистов, но и осознание с их стороны значения России как надежного и готового на всякую жертву оплота, без самоотверженной помощи которого само «чудо Марнской битвы»* оказалось бы невозможным», и далее о понимании ими «той решающей роли, которую самоотверженность России сыграла в спасении Франции»¹².

Отдельной стороной российско-латиноамериканских отношений в годы войны являлись их контакты и переговоры в военной области, хотя и не принесшие ощутимых результатов. Так, через посольства в США и Англии велись, правда безрезультатно, переговоры о возможности закупки Россией военных кораблей, строившихся на верфях этих стран для Аргентины, Бразилии и Чили. Однако отрицательный результат этих переговоров объяснялся не наличием каких-либо негативных чувств по отношению к России, а различного рода противоречиями между самими странами Южной Америки и, в связи с этим, их стремлением укрепить собственные военно-морские силы. Не удалось наладить и поставки в Россию винтовок и боеприпасов из Бразилии. Сказались как фактор расстояния, так и разного рода сложности с оформлением этих поставок и их качество.

* Ожесточенная битва 5—12 сентября 1914 г. на берегах реки Марны, в которой англо-французские войска одержали верх. В результате битвы был сорван стратегический план наступления немецкой армии, ориентированный на быструю победу на Западном фронте и вывод Франции из войны. Этой победой союзники в немалой степени были обязаны русской армии, оттянувшей на себя значительную часть германских войск.

Несмотря на трудности военного времени, между Россией и странами Латинской Америки имели место и контакты в культурной сфере. Так, еще в канун Первой мировой войны в Санкт-Петербурге в международном шахматном турнире, заняв второе место, приняв участие будущий чемпион мира, кубинец Хосе Рауль Капабланка. Россию он покинул буквально за несколько дней до начала войны. А в марте 1915 г. на Кубе триумфально выступала знаменитая русская балерина Анна Павлова. В ее репертуаре были партии из известных балетов, в том числе и из любимого ею «Лебединого озера». После выступления в нем звезды русского балета кубинская печать не скупилась на восторженные отзывы. «Павлова — это что-то необычное, это балерина, сочетающая в себе в значительной мере и качества актрисы. Но одновременно она грациозна и прелестна, это очаровательная волшебница», — писала «Heraldo de Cuba»¹³. Другая гаванская газета подчеркивала: «Прекрасным был дебют этой чаровницы. Танцы Павловой — это не только сама красота, но и история»¹⁴. 1 марта билеты на выступление балерины по ее просьбе продавались по сниженным ценам, чтобы дать возможность побывать на них публике со скромным достатком. Помня о теплом приеме ее кубинцами, Павлова в 1917 г. вновь побывала на Кубе. Ее выступления там стали яркой страницей в истории российско-кубинских культурных связей. Другой не менее интересной вехой в истории уже научных контактов стала поездка в 1914—1916 гг. по странам Южной Америки группы молодых русских этнографов и зоологов.

Анна Павлова в балете «Тщетная предосторожность», созданном французским балетмейстером Ж.Добервалем

Характер и итоги российско-латиноамериканских отношений в годы мировой войны показали, что, несмотря на все трудности тяжелого времени, эти отношения продолжали развиваться. В дипломатической области они ознаменовались открытием отдельной миссии России в Аргентине, продолжением деятельности таких миссий в Бразилии и Мексике, регулярными встречами и обменом мнениями между российскими и латиноамериканскими дипломатами. В Петрограде продолжали работу посольства Аргентины, Бразилии, Мексики, консульство Кубы.

В июле 1916 г. Штейн представлял Россию на торжествах, посвященных 100-летию провозглашения независимости Аргентины. В 1917 г. Бразилия и Аргентина признали Временное правительство России. В той же Аргентине направленные туда дипломаты России и Франции, благодаря

обоюдным активным контактам, способствовали укреплению союзнических связей двух стран.

Положительное в целом отношение к русским в Латинской Америке отразилось и в том, что страны этого региона приняли сотни бывших офицеров и солдат белых армий, эмигрировавших туда после окончания Гражданской войны в России. Здесь можно было встретить немало известных имен, к примеру, генералы русской армии Алексей Владимирович Шварц — специалист в области военной фортификации, Иван Тимофеевич Беляев и др. Многие оказались весьма востребованы в странах, где они осели. Шварц преподавал в Высшей военной школе (Академии) Аргентины*, Беляев занимал командные посты в парагвайской армии, в частности, с 1933 г. возглавлял Генеральный штаб Вооруженных сил Парагвая. Русские эмигранты — военные инженеры — участвовали в проектировании и строительстве различных сооружений, в том числе аэропорта в Буэнос-Айресе.

Таким образом, можно констатировать, что российско-латиноамериканские отношения в период Первой мировой войны не только продолжались, но и то, что в них прослеживались общность политики сторон (в первую очередь крупнейших представителей региона — Бразилии и Аргентины), а также стремление сохранять взаимные контакты во всех сферах.

Первая мировая война завершилась Версальской мирной конференцией 1919 г. В списке латиноамериканских стран, подписавших Версальский мирный договор, были: Бразилия, Гаити, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Панама (все они находились в состоянии войны с Германией), а также Перу, Уругвай и Эквадор (разорвавшие отношения с Германией).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. В. К о р о л е в. Страны Южной Америки и Россия (1890—1917 гг.). Кишинев, 1972, с.156.

² Там же.

³ Очерки истории Бразилии. М., 1962, с.234.

⁴ Там же, с. 211.

⁵ В. П. К а з а к о в. Радикалы в истории Аргентины. М., 2008, с. 221.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 222—223.

⁸ Там же, с. 228.

⁹ Н. В. К о р о л е в. Указ. соч., с. 157.

¹⁰ СССР (Россия) — Аргентина: страницы истории. 1885—1986. Документы и материалы. М., 1990, с. 55.

¹¹ Там же, с. 60—61.

¹² Там же, с. 57.

¹³ Heraldo de Cuba. Habana, 14.III.1915.

¹⁴ Día. Habana, 14.III.1915.

* Одним из его учеников, кстати, был будущий президент Аргентины Хуан Доминго Перон. — *Прим. ред.*